

НОВЫЙ АРГУМЕНТ В СТАРОЙ ПРОБЛЕМЕ (К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОКАХ РЕФОРМЫ РУССКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ)

В статье систематизируется суждение отечественных и зарубежных ученых по проблеме источников реформы русского стихосложения Ломоносова – Тредиаковского. В качестве дополнительного аргумента в пользу концепции национальной основы реформы рассматривается отношение Тредиаковского к стихотворному переносу (enjambement).

Как известно, реформа русского стихосложения, основные направления которой представлены в теоретических трактатах поэтов, бывших одновременно учеными, – «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735) В.К. Тредиаковского и «Письмо о правилах российского стихотворства» (1739) М.В. Ломоносова, – ознаменовала переход от силлабического стиха XVII – начала XVIII в. (стиха Полоцкого и Кантемира) к силлабо-тоническому стиху, которым писали все величайшие русские поэты середины XVIII – XX вв. (Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Твардовский и др.) и который остается актуальным для современной поэзии.

Реформа русского стихосложения осуществлялась в эпоху открытого Петром I «окна в Европу», отсутствия государственного и культурного изоляционизма России. Не удивительно поэтому, что в «Способе» Тредиаковского и «Письме» Ломоносова постоянно возникают отсылки к опыту европейских версификаций – греческой, римской, польской, французской, немецкой, что во многом дало основание исследователю истории русского стиха М.Л. Гаспарову справедливо говорить о нескольких источниках реформы Тредиаковского¹. Вместе с тем в обоих анализируемых трактатах совершенно отчетливо просматривается одержимость поэтов в их стремлении подчеркнуть роль национальных истоков осуществляемой ими реформы. Так, часто цитируемое высказывание Тредиаковского «...поэзия нашего простого народа к сему меня довела»² он «объявляет» в вышеназванном трактате 1735 года, а потом повторяет и утрирует этот тезис в последующих теоретических работах («Мнение о начале поэзии и стихов вообще», 1752, «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», 1755). Ломоносов, провозгласивший, что «российские стихи надлежит сочинять по природному нашему языку свойству»³, в сравнительно (с Тредиаковским) небольшом по объему «Пись-

ме» возвращается к этой мысли пять раз: манифестируя «основания» (в современной терминологии – методологическую базу) реформы и формулируя четыре основных (в его понимании) правила российского стихотворства.

Отечественные стиховеды отметили, что постулируемый национальный источник у двух теоретиков разный (у Тредиаковского – песня, у Ломоносова – язык)⁴, однако это различие воспринимается читателем как несущественное в контексте объединяющего двух соперничающих поэтов пафоса – пафоса «своего», противопоставленного «чужому» (при всей лояльности отношения обоих к этому «чужому»). Столь ярко выраженный национальный крен реформаторов русского стихосложения мы объясняем несколькими причинами: 1) создатели новой системы русского стихосложения были талантливыми поэтами и глубокими теоретиками. Они определили и провозгласили зависимость стихосложения от национальных особенностей языка. Масштабность этого открытия доказывается тем, что фактически на этом методологическом постулате развили свои стиховедческие концепции многие отечественные стиховеды XX века (Б.В. Томашевский, Л.И. Тимофеев, В.Е. Холшевников и др.⁵); 2) обостренное чувство национального, связанное с эпохой петровской перестройки, вызвавшей у части русского общества ощущение утраты национальных корней; 3) предчувствие (у обоих поэтов), что современники и потомки (последние – в особенности) могут обвинить в заимствовании, поскольку в Германии была аналогичная реформа Мартина Опица (1624), а в родном отечестве силлабо-тоническим стихом писали придворные немецкие поэты. В этой связи национальные истоки реформы должны были быть гарантией творческой самостоятельности ее авторов.

Предчувствие поэтов оказалось не напрасным. Хотя в трудах С.А. Орлова, Г.А. Гуковского,

П.Н. Беркова, Д.Д. Благого, Л.И. Тимофеева, С.М. Бонди, М.Л. Гаспарова и других стиховедов и историков литературы⁶ высоко оценивается вклад Третьяковского и Ломоносова в русскую культуру и при оценке значения реформы русского стихосложения неизменно подчеркивается ее национальная основа, тем не менее, время от времени появляются работы, в которых ставится под сомнение значение национальных истоков концепций реформаторов. Так, например, в начале XX в. раздался скептический голос В.Н. Перетца, отрицавшего роль русского народного стиха в формировании центральной идеи трактата Третьяковского⁷. В середине XX в. скепсис русского ученого был усилен американским переводчиком (на английский язык) и комментатором трактатов Третьяковского, Ломоносова, Кантемира Римвидасом Силбайорисом, а в начале XXI в. – немецким ученым К.Ф. Харером, огласившим на Международной конференции, посвященной 300-летию со дня рождения В.К. Третьяковского, в ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург, 2003) заметку придворного поэта Я. Штелина от 11 октября 1736 г. с ироническими пассажами в адрес Ломоносова и Третьяковского по поводу их подражательности (автор данной статьи был участником названной конференции в Санкт-Петербурге).

Анализ оценок скептиков показывает, что они, как правило, строятся на упреках в отсутствии у Третьяковского (нападки идут, прежде всего, на него) конкретных сведений о том, что он заимствовал у русской народной поэзии. Между тем в трактате Третьяковского можно обнаружить несколько аргументов в пользу выдвинутой им концепции. Обобщая и систематизируя суждения ученых, высказанные по разным поводам, можно эти аргументы представить следующим образом.

Аргумент первый: хореическая основа русской песни, определившая пристрастие автора «Способа» к хореическим ритмам и его убеждение о превосходстве хорей над ямбом. Аргумент второй: рифма новых (силлабо-тонических) стихов – следствие популярности рифмы в русских фольклорных жанрах. Аргумент третий: обязательные женские окончания, за которые ратовал реформатор, часто встречаются в русском народном стихе. Аргумент четвертый: эпитеты в поэзии самого Третьяковского имеют отчетливые следы фольклора («страны дальны», «страны далеки», «ясны очи»,

«сахарны уста», «леса дремучи», «слезы горьки» и т. п.). Первые два аргумента по существу привел сам Третьяковский, а стиховеды (С.М. Бонди, Л.И. Тимофеев, Б.П. Гончаров, М.Л. Гаспаров и др.) при анализе трактата сделали на них акцент; два других добавили, осмыслив его наследие, соответственно, В.С. Баевский⁹ и П.Н. Берков¹⁰.

Мы предлагаем еще один (пятый) аргумент в пользу русской народной песни как главного источника трактата Третьяковского. Наш аргумент – негативное отношение реформатора к переносам. Это отношение наиболее однолинейно выразилось в «Эпистоле от российского поэта к Аполлину» (находящейся в корпусе текста «Нового и краткого способа»), где поэт от лица «российского поэта» перечисляет собственные заслуги в установлении нового стиха и в их числе называет изгнание переноса («Выгнав мерзкий перенос и все, что порочно/ То оставила стиху, что ему есть точно»). Нечто подобное высказывал Третьяковский и в своих теоретических работах. Однако наше исследование показало, что: 1) в собственной поэзии Третьяковского переносы были – и в ранней поэзии («Много друзей он имеет/ При дворе сем августейшем/ А кто ему не умеет/ Угождать, то тот во злейшем/ Несчастий остается,» – из романа «Езда в остров любви» <1730>), и в более поздней («Горе мне! Боюсь, чтоб как не противно/ Федрию то стало, и чтоб не туда/ Не причел всего, нежел как, нелестивно/ В том с ним поступивши <...>», из комедии «Евнух», 1752); 2) при предпринятой поэтом переделке силлабических стихов в силлабо-тонические число переносов оставалось неизменным или даже увеличивалось. В этой связи возникает вопрос, чем объясняются темпераментные выпады ученого против переносов? Размышляя над этим вопросом, мы пришли к выводу, что, во-первых, Третьяковский выступает против переносов, как явления, имеющего массовое распространение в силлабической поэзии (у Прокоповича, Кантемира и др.), на отрицании которой и возводилось здание новой системы; во-вторых, переносы отсутствуют в народной поэзии. Последнее для нас особенно примечательно. Факт отсутствия переносов в народной поэзии (вне связи с проблемой национальных истоков реформы стихосложения) был отмечен Л.И. Тимофеевым и подтвержден исследованием нашей аспирантки Г.А. Бокушевой¹¹ и нашим соб-

ственным¹². Полагаем, что констатация отсутствия переносов в народной поэзии, которая, по признанию Третьяковского, и «довела» его до реформы, во многом объясняет причину негативного отно-

шения ученого к этому стихотворному приему и предстает как дополнительный аргумент в решении проблемы национальных истоков реформы русского стихосложения.

Список использованной литературы:

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М.: Фортуна лимитед, 2000. - С. 37.
2. Третьяковский В.К. Избранные произведения / Вступ. ст. и подгот. текста Л.И. Тимофеева. Л.: Сов. писатель, 1963. (Б-ка поэта, б.с.). - С. 383.
3. Ломоносов М.В. Избранные произведения / Вступ. ст. и примеч. А.А. Морозова; подгот. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. Л.: Сов. писатель, 1986. (Б-ка поэта, б.с.). - С. 465.
4. См.: Баевский В.С. Стих русской советской поэзии. Смоленск, 1972. С.8.
5. См.: Томашевский Б.В. Стих и язык: Филологические очерки. М.-Л., 1959, - С. 9-68; Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. - С. 309-339; Холшевников В.Е. Русская и польская силлабика и силлабо-тоника // Теория стиха. Л., 1968. - С. 24-58.
6. См. новейшую персональную библиографию: Василий Кириллович Третьяковский (К 300-летию ученого поэта): Указатель лит. Сост. А.Н. Стрижев. М., 2003.
7. Об этом см.: Баевский В.С. Ук. соч. С.12-13.
8. Об этом см.: Гончаров Б.П. О реформе русского стихосложения в XVIII веке (К проблеме ее национальных истоков) // Рус. литература, 1975, №2. С. 51-69.
9. Баевский В.С. Ук.соч. С. 16.
10. См.: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков / Ред. и примеч. П. Беркова и Г. Гуковского; вступ. ст. П. Беркова. Л.: Сов. писатель, 1935. (Б-ка поэта, м.с.). - С. 50-51.
11. См.: Бокушева Г.А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н.А. Некрасова): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2001. - С.23.
12. Нами были просмотрены: а) Народные лирические песни (изд. В.Я. Проппа, Л., 1961) разных жанровых модификаций; б) Древние российские стихотворения, собранные Киршием Даниловым (Л.: Наука, 1977).